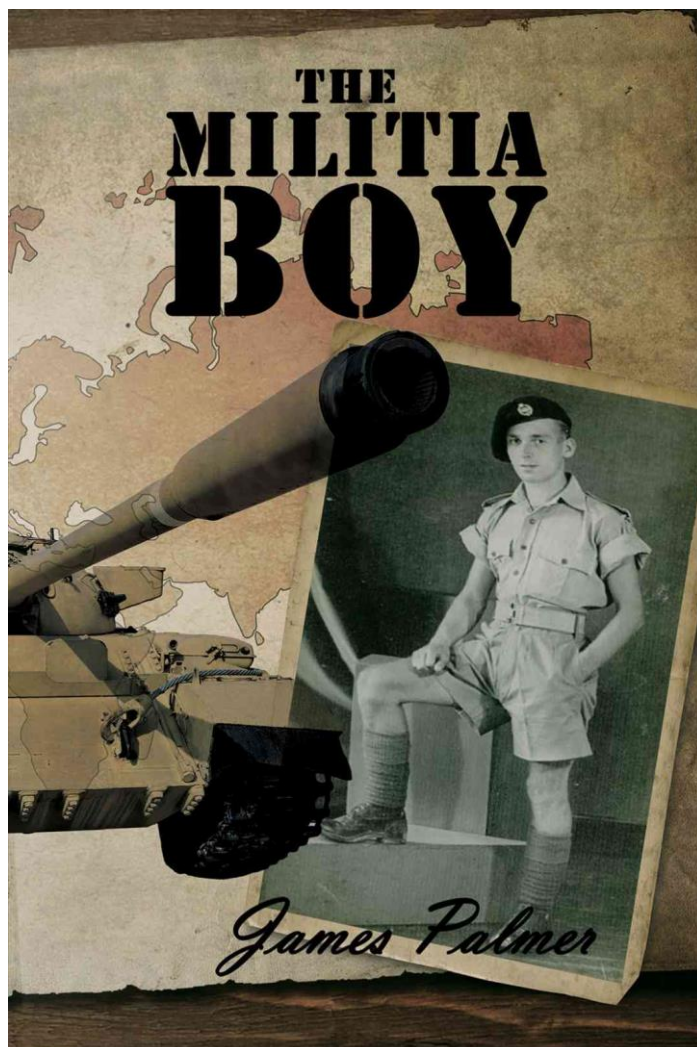

ВОСПОМИНАНИЯ БРИТАНСКОГО ТАНКИСТА ДЖЕЙМСА ПАЛМЕРА - ЧАСТЬ 2

СЕВЕРНАЯ АФРИКА, 1940-1941

Джеймс Палмер (James Palmer) родился в 1918 году в Манчестере. В 1939 году он записался в Милицию (Militia). В военизированных частях этой организации молодых людей возрастом 20-22 года 6 месяцев готовили к военной службе, после чего отправляли в запас. Начавшаяся ВМВ изменила ситуацию, и записавшиеся в Милицию стали обычными армейскими рекрутами. Палмер стал танкистом и впоследствии принял участие в боевых действиях во Франции, Северной Африке, Бирме и Италии. В конце войны он вновь оказался в Западной Европе, но больше не принимал участия в боевых действиях. Он оставил книгу воспоминаний о войне и умер в 1996 году.

Фотография Джеймса Палмера на обложке его книги The Militia Boy

Сойдя на берег, мы на грузовиках отправились в зону [Суэцкого] канала. Там нас расселили по палаткам. Танки и разведывательные машины прибыли через пару дней. Затем нам рассказали о том, что нам предстоит делать. Первое – все будущие операции будут сильно

отличаться от того, с чем мы столкнулись во Франции. Природные условия будут определять тактику, и нам придется учиться на собственном опыте. Это будут мобильные и более быстрые операции. Ситуация такая: «Ищи и находи.» Но для начала нам придется узнать как можно больше о пустыне. Забудьте о типичных для почтовых открыток видах песчаных дюн с черными силуэтами верблюдов на фоне заходящего солнца. У нас тут не тур от агентства *Thomas Cook**. Пустыня – это страшное место. Большая ее часть – это голые камни, на которых нет ничего, кроме пучков верблюжьей колючки. Повсюду раскиданы огромные песчаные дюны, и есть места, плоские как бильярдный стол. Есть плоские места, которые называют солончаками. В скалистых пространствах встречаются небольшие долины с крутыми склонами, известные под названием *вади*...

Днем было очень жарко, по ночам холодно до заморозков. За горизонтом нашим единственным приютом должны были стать наши машины. Нас предупредили об опасности малярии, о летающих кровососах, о неприятностях, которые могут приключиться с кишечником. Фляги для воды должны были всегда оставаться полными, и, там, где возможно, мы должны были пить воду только из цистерн. Каждому выдали обеззараживающие таблетки, которые мы были обязаны использовать. Москиты разносили малярию, поэтому нам предстояло воевать не только с итальянцами. Нас еще будут атаковать мухи, скорпионы, будут донимать пустынные язвы, обезвоживание организма и солнечные удары... Говорили, что, может быть, нам придется выживать без воды и сосать камешки. Все это звучало кошмарно, но все мы думали, что так плохо нам не будет, как нам про это рассказывают. Так они еще не упомянули ни разу горячие ветра и песчаные бури. Все, что нам было нужно сделать, это *анти-то, анти-это*, прививки и уколы.

В ожидании последних инструкций перед маршем в пустыню с нами провели вводные занятия по ориентировке на местности. Дорог не будет, но, может, удастся найти какие-нибудь древние верблюжьи тропы. Ориентирование базировалось на компасных измерениях. Все это будет как океанское плавание. Умение читать карту должно будет стать на один уровень с умением читать книгу. Система казалась сложной, пока мы не освоили технику ориентирования. По сути, мы должны были научиться делать следующее: точно определить на карте свое местоположение, затем сориентировать карту. Потом нужно было положить компас на карту и прочертить линию от своего местоположения до пункта назначения. Затем с помощью транспортира можно было узнать, по какому азимуту двигаться. Определив азимут, нужно было сориентировать вдоль него машину и ехать точно по прямой, постоянно сверяясь с компасом. Существенным моментом была сверка расстояния, пройденного по азимуту, с показаниями одометра машины. Так можно было рассчитывать на то, что доедешь до места назначения. На практике мы пришли к выводу о том, что будет лучше, если ориентирование на местности будет обязанностью тех, кто находится в головном танке или машине, а остальные будут просто следовать за ним.

Были случаи, когда компаса под рукой не оказывалось, однако нас научили одному приему, который, я уверен, спас много жизней. Если навести малую стрелку ручных часов на солнце, а затем найти направление на половину расстояния между ней и отметкой 12, это будет направление на север. Ну а раз знаешь, где север, ты еще не совсем заблудился...

Мы получили еще одну, финальную инструкцию: не купаться в канале *Sweetwater* и не пить из него воду. Вода в нем была заражена червяками-шистосомами, которые вгрызались в человеческое тело и могли вызвать тяжелые поражения внутренних органов. Инструктаж о том, что могло быть опасно для нашего здоровья в пустыне и, в целом, в Египте, завершился предупреждением о строгом запрете на любовные приключения, поскольку за этим неизбежно следовали венерические болезни...

Получив всю эту информацию, мы ждали приказа о выступлении. Мне дали знать, что я не отправлюсь в путь со всем батальоном. Меня посылали в Каир на курсы кодирования и

шифрования. После этого я присоединюсь к своим. В чем-то я был немного разочарован, но перспектива пробыть месяц в Каире меня, определенно, привлекала. На следующий день я отбыл в Каир и явился в учебную часть в казармы Аббасия (Abbassia Barracks). Эти казармы находились в трех-четыре милиах от Каира и использовались учебной частью, здесь же отдыхали находившиеся в отпусках, через них шел транзит военнослужащих. Жизнь тут просто кипела, приезжали и уезжали люди из разных частей. Все, кто жил в них, были тут проездом или обучались на курсах. Тут были пехотинцы, артиллеристы, связисты, танкисты, саперы. Большая часть этих парней прослужила в Египте значительное время и определенно знала, что тут и как.

Я подружился с группой ребят из стрелковой бригады. Они рассказали мне многое о пустыне. О том, что вдоль границы между Египтом и Ливией проходила полоса заграждений из колючей проволоки шириной ярдов в 25, вытянувшаяся от Саллума/Sallum до оазиса Сива/Siwa на юге. Вдоль *проволоки* располагался, казалось, самый горячий сектор [фронта]. Итальянцам помогали ливийские части, и к тому моменту нашим нужно было предотвратить их вторжение в Египет. Первоначально казалось, что серьезной угрозы прорыва не существует, поскольку ни одна из сторон не прибегала к чему-то большему, чем редкие вылазки, прошупывая боевые возможности друг друга. Кроме информации о происходящем на фронте они рассказали мне о жизни в Каире. Было важно знать, где были лучшие кафе и от каких районов было лучше держаться подальше.

Я начал свой учебный курс, и, прежде всего, мне пришлось подучиться тому, как принимать передачи, закодированные с использованием азбуки Морзе. Я не был в этом силен и никогда не умел работать с Морзе на хорошей скорости. Следующим шагом было изучение систем кодировки, что, определенно, было довольно сложным. Мы получали послания на запутанном жаргоне (*tumbo jumbo*), и их нужно было раскодировать и преобразовать в осмысленную информацию. Нам нужно было выучить наизусть коды и системы преобразования. Я думал, что никогда с этим не справлюсь, но, со временем, все встало на свои места, и я стал делать все не так уже и плохо. Каждый день мы потели над кодами и шифрами до 4 часов, а потом могли делать то, что хотели. Стройподготовки не было, никто нас не доставал, так что ближе к вечеру я писал письма домой. Вечером я ходил смотреть фильмы, которые крутили в казармах, шел в какой-нибудь клуб *NAAF*** или отправлялся в Каир вместе с парнями из стрелковой бригады...

Когда учебный курс закончился, я был готов вернуться в свой эскадрон, но сделать это было не так просто. Меня должны были подобрать ребята из *RASC**** и отправить по маршруту на машинах колонн снабжения. То есть, меня должны были подхватывать, ссаживать, затем мне нужно было ждать попутную машину и т.д.

Я покинул Аббасию на трехтонном грузовике вместе с примерно пятнадцатью другими парнями, всем нам предстояло добираться до своих частей. Проехав через Каир, мы вскоре оказались на приморском шоссе, идущем на запад. Местность была каменистой и пустынной. По ухабистой грунтовой дороге, идущей параллельно шоссе, шел непрерывный поток машин, поднимающих облака пыли. Хотя мы ехали по шоссе, предположительно, с хорошим покрытием, наш грузовик трясся и подсакивал на буграх и колдобинах. Мы видели раскиданные по пустыне огромные склады и пункты снабжения, и, казалось, многое двигалось взад-вперед. Мы ехали весь день, иногда останавливались выпить чаю или дать двигателю возможность остыть. Мы видели пехоту, бронетранспортеры с пулеметами *Брен* – все это шло на запад. Иногда в поле зрения попадали группы танков, рассредоточенных и прикрытых маскировочными сетями.

К вечеру мы подъехали к большому пункту снабжения к югу от Фуки/Fuka. Склады здесь были сильно разбросаны, и все это занимало большую площадь – так принимали меры безопасности на случай авианалета... Мы спрыгнули с грузовика, получили

продовольственные пайки и небольшую бензиновую плитку. Затем нам сказали ждать до завтра, когда нас подберет другой грузовик.

Наш грузовик уехал, но капрал из *RASC* остался, чтобы передать нас, кому положено, на следующий день. Он сказал, будет лучше, если мы выроем для себя окопчики на ночь. Пункты снабжения часто были целью воздушных атак, особенно в сумерках и на рассвете. У пехотинцев были с собой небольшие саперные лопатки, и уже вскоре мы занялись рытьем. Грунт бы скалистым, твердым, так что мы углубились не больше чем на фут, но сочли, что этого будет достаточно. Когда мы заканчивали, становилось темно, так что мы свернулись в наших закопушках и попытались поспать. Это была наша первая ночь в пустыне под открытым небом, и было довольно холодно...

С неба доносился гул, который становился все громче и громче – он говорил нам о том, воздух патрулируют самолеты. Мы не знали, наши это или вражеские машины, так что просто задержали дыхание и вдавили головы в землю. Ночь была такой холодной, что, когда на востоке появились первые признаки рассвета, мы просто окоченели. Капрал приказал нам вставать и кипятить чай, и до чая мы еще разогрели банку соевых сосисок. Время суток было такое, что можно было ожидать визита итальянских бомбардировщиков, так что мы держались поближе к своим окопчикам. Я был рад тому, что мы переоделись в полевую форму из плотной материи перед отъездом из Каира, настолько было холодно.

Вскоре мы уселись в грузовик и были в пути, снова по приморскому шоссе в направлении города Мерса Матрух/*Mersa Matruh*. Однако через какое-то время мы скатились с шоссе и повернули в пустыню. Местность теперь была куда более каменистой, местами с высокими скалами и глубокими *вади*. Водитель сказал нам, что это Катарская впадина, которая уходит далеко на юг. Мы остановились ближе к ланчу рядом с небольшим складом боеприпасов. Снова нам сказали, что придется ждать следующего дня, когда подъедут другие машины, чтобы подхватить нас. Вскоре появился грузовик, который забрал восьмерых пехотинцев из стрелковой бригады. Было неизвестно, когда подберут остальных, поэтому мы подогрели тушенку и вскипятили чай.

Парни из *RASC*, заведовавшие складом, подошли к нам и попросили помочь им. Нам нечего было делать, и мы согласились. Они дали нам ящики с патронами калибра 0.303, несколько ящиков с пулеметными лентами и попросили набить ленты патронами. Нам пришлось забивать патроны в ленты и скатывать их определенным образом, а затем запихивать в специальные узкие коробки. Весь оставшийся день мы сидели и возились с этим, пока вокруг нас не выросла стена из узких металлических коробок, забитых пулеметными лентами. Парни из *RASC* вскипятили нам чаю, достали консервные банки с фруктами, ветчиной и галетами. Мы хорошо поели и вспомнили, что еще не вырыли себе окопчики на ночь. Это и стало нашей следующей задачей. Ночью мы видели вспышки в небе, слышали грохот и разрывы. Бои шли гораздо ближе к нам, чем раньше, но все еще на изрядном расстоянии. Утром нас подобрала машина и отвезла в штаб бригады где-то далеко на юг от Мерсы. Оттуда меня быстро довезли до моей части, где я присоединился к своим товарищам из разведывательного подразделения.

Мне рассказали о том, что происходит. Оказывается, итальянцы заняли город Сиди Барани/*Sidi Barani*, и их небольшие группы просочились в район к югу от города Мерса Матрух. Боевые действия были малоактивными, поэтому наша часть была занята в основном рекогносцировками и редкими стычками с небольшими группами итальянских разведывательных танков и моторизованной пехоты. В последние несколько дней, однако, дела стали погорячей, и настроение было таким, что вскоре мы будем на марше.

Нашими новыми танками были машины *A13*, которые были куда лучше, чем старые легкие танки, которые были у нас на вооружении во Франции. Они были быстрее и гораздо маневреннее. Ребятам они нравились. Пушки этих танков стали намного лучше.

Бронетехника находилась где-то в миле от штаба, машины были замаскированы сетками, в десяти ярдах от каждой были вырыты глубокие окопы. Окопы были разбросаны, и каждый экипаж готовил еду себе сам. Каждый день грузовики подвозили провиант, боеприпасы, горючее и воду из тыла. Ничего особенного пока не происходило.

Британские танкисты осматривают недавно доставленный танк А13. Египет, ноябрь 1940 года

<http://ww2today.com/wp-content/uploads/2015/10/A13-Cruiser-Mk-IVA-tank.jpg>

Я подзабыл даты, но, должно быть, было начало сентября, когда мы получили боевой приказ. Нам предстояло атаковать. Грациани продвинулся слишком далеко, и его нужно было отбросить к Саллуму и Тобруку. Два дня мы трепали итальянские и ливийские войска, сбивая их небольшие оборонительные пункты в пустыне. Постепенно, при поддержке австралийцев и индийцев, Сиди Барани и Саллум были отбиты у противника. Мы продвигались по каменистым сухим ручьям и солончакам, вступая в бой с легкими итальянскими танками *M14*. Бои были куда более открытыми, чем во Франции, но пыль, запах бензина, загазованность в башне танка, визг снарядов, дым - все это было как раньше. Бои были простыми и прямолинейными – попади в него, или он попадет в тебя.

Итальянцы построили пункты обороны по всему району. Небольшие «форты» или огневые точки, сделанные из подручного камня, были серьезно насыщены артиллерией, тяжелыми пулеметами и противотанковыми пушками. Их танки обычно находились за оборонительными пунктами и выдвигались вперед только тогда, когда мы атаковали. Часто случалось так, что, атакуя, мы наталкивались на передовые патрули противника на легких бронетранспортерах или танках. Если мы атаковали их, то оказывались под огнем из оборонительных пунктов. Боевые действия ускорялись и становились более решительными. Быстрый рывок вперед, пара часов на стрельбу и сокрушение укреплений, потом дым рассеивался, и мы снова перегруппировывались и приводили себя в порядок.

Некоторые танки, само собой, выходили из строя. Некоторые теряли гусеницы, в некоторые попадали снаряды противотанковых пушек врага. В этих боях постоянно трескали

пулеметы. Танки вели огонь из них еще до того, когда в атаку шла пехота и зачищала [позиции противника]. В этих боях мы узнали, что такое боль в ногах, что это такое, когда воспалены глаза, и что такое тошнота, которую чувствуешь постоянно.

У один из наших штабных танков заклинило башню. Он шел в атаку на противотанковую пушку противника, находившуюся в орудийном окопе. Не сворачивая, водитель пошел на таран, и смял пушку со всем расчетом... Ливийцы и итальянцы не оказывали упорного сопротивления после того, как были подавлены их артиллерийские позиции и были обращены в бегство или уничтожены их танки. Сбор пленных был некоторой проблемой, потому что их было очень много! На захваченных позициях итальянцев чего только не было. Кроме пустых ящиков из-под боеприпасов и раздавленных пулеметов мы находили там тысячи пачек с сигаретами и маленьких бутылочек с минеральной водой *Vichy*. Иногда мы натыкались на склянки с духами и коробки с презервативами. Земля была часто усыпана порнографическими фотографиями. Единственным сувениром, который все жаждали заполучить, был маленький штык, который носили с собой итальянские пехотинцы. Этот штык был очень полезной вещью. Еще мы охотились за небольшими спальными мешками с камуфляжным чехлом. Из них можно было делать небольшие палатки. Сигареты, однако, были набиты ужасным темным табаком, назывались они, если я запомнил правильно, *Tres Stellas*.

Итальянские военнопленные, захваченные в Бардии. 6 января 1941 года

<https://www.pinterest.com.au/pin/435934438904162268/?lp=true>

С захватом Тобрука армия Грациани оказалась выбитой из Египта, и теперь мы были на земле Ливии, на пути у итальянцев между Газалой/Gazala и Дерной/Derna. Мы понесли тяжелые потери, и у нас в строю осталось только 18 танков. Австралийцы, продвигаясь вдоль приморского шоссе, прошли Дерну на пути к Бенгази. Вместо того, чтобы двинуться к побережью и соединиться с австралийцами, мы ушли далеко в пустыню и вышли к

Аджедабии/Agedabia, расположенной где-то милях в 100 к югу от Бенгази. Это был форсированный 150-мильный марш через пустыню сильно потрепанной танковой группы. Остатки батальона свели в эскадрон численностью в 16 машин. Он был прикомандирован к командирской части, и путешествие началось. Только человек, который испытал долгий изматывающий марш через пустыню может представить себе, насколько могут быть измотаны люди. Пыль и грязь прилипают к коже, глаза краснеют и наливаются кровью, голова трещит, суставы костенеют. Через какое-то время были мы превратились в зомби. Делаешь все автоматически, и сам не знаешь зачем. Думаю, наши мозги по дороге отключились. Остановливались мы только для того, чтобы удостовериться в правильно выбранном азимуте движения. Пустыня – это богом проклятое место! За нами шли грузовики с горючим и боеприпасами, и каждую ночь мы выбирались из танков, чтобы заправиться и дать двигателям остыть. Каким облегчением была возможность вдохнуть немного свежего воздуха. Через пару часов мы снова трогались в путь, чтобы продвинуться как можно дальше на юго-запад до первых лучей рассвета.

По радио мы узнали, что Бенгази взят австралийцами. В тот же день мы достигли пункта Беда Фомм/Beda Fomm. Я думал, это было 1-е февраля [1941 года], на самом деле, это было 7-е, но в последнюю неделю время для нас не имело значения. Дорога к югу от Бенгази шла вдоль побережья и далее на запад в направлении [портового городка] Марса Бреги/Marsa Brega и [населенного пункта] Эль Агейла/El Agheila, где-то миль 500 на запад от Триполи. Мы расположились за небольшим холмом, который прозвали *Прыщ/The Pimple*. Глядя на дорогу Бенгази-Триполи, мы не могли поверить своим глазам. Вся армия Грациани**** уходила из Бенгази. Насколько мог видеть глаз, всюду были колонны грузовиков, танков, автоцистерн, пушки, бронетранспортеры. Бог мой! Это была легкая добыча!

К этому времени у нас осталось всего 14 танков. Были вызваны грузовики с боеприпасами, и каждый танк загрузился ими настолько, насколько было возможно. Бензобаки были заполнены доверху, и мы были готовы атаковать. Итальянские легкие танки продвигались по обе стороны от колонны, словно эсминцы, эскортирующие конвой. Мы выехали из-за *Прыща*, рванулись к дороге и вышли прямо к колонне, ведя огонь на ходу с максимальной возможной скоростью. Грузовики начали гореть, и через минуту дорога была заблокирована объятыми пламенем машинами. Итальянцев охватила паника. Люди соскакивали с грузовиков, паля во все стороны. Застучали пулеметы, и мы услышали звон пуль, ударяющихся о броню нашего танка. Все пространство внутри танка наполнилось дымом и газами. Наводить пушку нужды не было: каждый выстрел попадал в цель!

Из колонны выкатили противотанковые пушки, которые открыли по нам огонь в упор. Солдаты бросали в нас ручные гранаты, когда мы со скрежетом двигались вдоль дороги. Итальянские танки были рядом с нами там и тут, они стреляли, но в полной панике. Они попадали даже в свои грузовики, иногда даже в свои танки.

Пыль была такой плотной, что мы видели не больше чем на пару ярдов. Все горело, до нас доносились крики и стоны. Горели танки, в них взрывались боеприпасы. В некоторые из наших машин тоже угодили снаряды, и экипажи выбирались из пламени и бежали, чтобы укрыться между камней. Визжали пули и летящие осколки. Клубился дым, грохотали взрывы. Шум стоял невообразимый... Весь бой продолжался меньше, чем два часа, после чего стрелять уже было не во что. Конвой горел, все вражеские танки были подбиты или брошены. Уцелевшие итальянцы размахивали белыми флагами. Раненые рыдали, вопили и умирали. Смотреть на это было тошно. На протяжении двух часов мы сходили с ума от азарта, стреляя и убивая, а теперь мы были оглушены и сконфужены...

Разгромленная итальянская колонна. 1940 год

Мы медленно вернулись к *Прыщу*. Тем временем итальянские санитары пытались понять, что к чему и подобрать раненых. Наши потери были минимальными. Несколько осколочных и пулевых ранений, раны от осколков брони. Я знаю, что и по сей день в мозгах участвовавших в этом побоище танкистов остались шрамы.

На следующий день мы отправились на вывозку итальянских танков. В воздухе, среди тлеющих обломков, стоял запах сгоревшей плоти. Наполовину высунувшиеся трупы свисали из башен. Их ноги были сильно обгоревшими и отваливались, когда мы вытягивали тела. Внутри некоторых танков мы увидели кучи липкой сажи. Эти кучи были останками человеческих тел. Это был вид, который я никогда не забуду, и я знаю, что моя душа будет проклята за то, что я принял в этом участие! Уцелевшие итальянцы рыли могилы, но мало кто говорил о чем-то. По лицам людей текли слезы, и с обеих сторон парни говорили, что они сожалеют о случившемся.

Мы сидели посреди того, что осталось после побоища, и угощали итальянцев сигаретами. Для них война закончилась. Все, что им оставалось, это ждать, когда их увезут. Это была наша победа, но, если это было победой, я больше не хотел ничего подобного. Я был ошарашен жестокостью войны и случившимся кровопролитием.

Прибыли танкисты 6-го Танкового Полка (6th Royal Tank Regiment), чтобы занять наши позиции. Они вооружились уцелевшими итальянскими танками. Прибыла еще пехота, которая закрепилась на позициях к западу от Эль Агейлы. Мы покинули это место, чтобы «залезть раны». Хотя, в конечном итоге, мы разбили Грациани, у меня было такое чувство, что это *пиррова победа*. Психологически я был не в порядке и подавлен. Не было у меня никакого восторга, определенно, никакой гордости по поводу случившегося, только депрессия и чувство вины...

Шли разговоры о броске на Триполи, но в Греции наши дела шли плохо. Поддерживавшая нас австралийская дивизия была отведена и послана туда, чтобы остановить развал фронта. В дополнение к этим неприятностям, в Триполи прибыли немцы, и теперь всеми силами *Оси* в Северной Африке командовал Роммель. Итальянская армия почти полностью прекратила существование, и нашим противником теперь был не Грациани, а Роммель. Без подкреплений марш на запад, на Триполи, был невозможен.

Уже через несколько недель немцы начали наступать на восток в направлении Эль Агейлы. До того, как появились проблемы, нас отвели и вернули в Египет на переформирование.

Наша база находилась в четырех милях от Александрии в месте, носившем название Сиди Бишр/Sidi Bishr. Через два дня после прибытия туда я заболел лихорадкой, связанной с укусом летающего насекомого, и чесоткой и был отправлен в полевой госпиталь близ Алекса (*по-видимому, так Палмер называет портовую часть Александрии – ВК*). Там я пробыл три недели.

Вернувшись в часть, я обнаружил, что нас переоснащают, и все получили возможность так или иначе отдохнуть. В основном мы ничего делали, просто расслаблялись, купались в море или проводили время в Алексее. Алекс мне нравился, хотя доставал отвратительный смрад с сырмятни, окутывавшая городок. Однако морской бриз был прохладным и солоноватым. Могло просто показаться, что ты находишься где-то в субтропическом Блэмпле. В порту кипела жизнь, с судов непрерывно сгружали машины. Танки, бронетранспортеры, пушки и бесконечные войсковые колонны. Почти каждый день на порт совершала налеты вражеская авиация. С пляжа, расположенного где-то на расстоянии в милю, мы ложились на песок среди дюн и смотрели, как многочисленные зенитки палят по самолетам противника. Зенитки были повсюду, и в дополнение к ним огонь вели корабли и эсминцы, находившиеся в порту. Падали бомбы, было много взрывов, но мы видели и сбитые самолеты, падающие в море...

Алекс был городом моряков, они были повсюду. Там был большой клуб моряков, носивший название *Fleet Club*. Он был нашим любимым местом времяпровождения. Здесь по-крупному играли в *Housey Housey* (*разновидность лото – ВК*), при этом на кону бывало более 1000 пиастров (*ориентировочно 20-25 американских долларов – ВК*). Там было полно дешевых сигарет и пива. Ну, мы еще завели себе хороших друзей среди военных моряков. Еще одним популярным местом была улица *Rue Des Soeurs*. Тамошние девочки предпочитали моряков. Однако одной ночью случился авианалет, и после прямого попадания бомбы в *веселый дом* погибло семеро парней из Полка 7th *Queen's Own Hussars* (*полк 7-й Бронетанковой Дивизии – ВК*)...

Наши дела в пустыне шли плохо. Роммель наступал от Эль Агейлы через Марса Брегу и Бенгази. Затем вдоль побережья он вышел к Тобруку. Тобрук удержали, но он окружил и осадил его. Роммель продолжил наступление в направлении Саллума и перевала Халфайя/Halfaya. Близ форта Капуццо/Capuzzo его войска закрепились. Британцы готовились к наступлению, накапливая силы в районе Мерса Матрух и вдоль линии, проходившей к западу от Сиди Барани. Было начало мая, когда мы вернулись в пустыню. Это был период ветров, носивших название *Хамсин*. Жара стояла страшная, и бронетанка можно было жарить яичницу... Мы заняли позиции к югу от Барани и стали ждать. Концентрация наших сил была потрясающей. Я до этого никогда не видел столько танков и бронемашин!

15 мая мы атаковали Саллум и Форт Капуццо, но продержались там только пару дней, прежде чем отступить назад к югу от Барани. Через неделю мы были готовы еще раз атаковать Капуццо. Атаковать предстояло со стороны побережья, и, если станет возможным, вынудить Роммеля оставить перевал Халфайя. Мы выступили на рассвете 15 июня. Со стороны Сивы налетела песчаная буря. Раньше танкисты во время маршей привязывали свои спальные мешки и камуфляжные сетки в задней части танка, но опыт показал, что горячие осколки легко поджигают их и танк может загореться безо всяких попаданий вражеских снарядов... Поэтому до начала марша части снабжения собрали наши спальные мешки и сетки. Еще какое-то время у нас не будет возможности поспать, и, определенно, не ожидалось достаточно продолжительных остановок, во время которых могут понадобиться маскировочные сетки.

Приближаясь к Капуццо с юго-востока, мы натолкнулись на интенсивный противотанковый огонь артиллерии, который прижал нас до того момента, пока наша мобильная артиллерия не подавила их огневые позиции. Атака развивалась медленно. Многие наши танки были

подбиты, и какое-то время мы дрались вслепую в условиях песчаной бури. Было страшновато наткаться на легкий немецкий танк прямо броня к броне, когда он выплывал из пыли и дыма. Удача сопутствовала тому, кто успевал выстрелить первым...

Целый день мы крутились, стреляя, продвигаясь вперед и вновь отходя, но так и не пробилась к Капуццо. Дым был повсюду, все грохотало, лязгало, ревели моторов, визжали пули и снаряды. Внутри машин люди обивались потом, матерились и орали. Мы пока не вступали в бой с тяжелыми немецкими *панцерами*, но понимали, что их придерживают в резерве до той поры, когда мы сточимся в бою против легких машин и противотанковой артиллерии. Неожиданно мы увидели немецкие танки, перемещающиеся вдоль фронта в юго-восточном направлении к Сиди Омару/Sidi Omar. Мы оказались в ловушке! Поскольку продвижение на Саллум было остановлено Роммелем, мы получили приказ отвернуть от Капуццо и двинуться на юго-восток, чтобы остановить *панцеры*, устремившиеся к Сиди Омару. Но они оказались быстрее нас: появившись к югу от Сиди Омара, они повернули прямо на восток в направлении Сиди Сулеймана/Sidi Suleiman, отрезая нас [от нашего тыла]. Если мы не доберемся до Сиди Сулеймана первыми, мы потеряем контакт с нашими силами, пытающимися наступать на запад в направлении Тобрука и Саллума. Мы, как сумасшедшие, рванулись к Сиди Сулейману. Когда мы смяли проволочное ограждение, по нам отстрелялась наша авиация, которая приняла нас за *панцеры*... К этому времени сражение уже было нами проиграно. Роммель продолжал удерживать перевал Халфайя. Саллум и Тобрук остались в осаде. Мы отступили, чтобы зализать раны, в то время как Роммель привел в порядок свои оборонительные позиции на перевале и стал ожидать наших дальнейших действий...

От преследования нас спас сам Роммель из-за грандиозных событий, случившихся в Европе. Гитлер начал свое вторжение в Россию, так что Роммелю осталось только сидеть и ждать без особой надежды на получение подкреплений на протяжении определенного периода времени. Ему не повезло, зато нам улыбнулась фортуна: мы получили возможность отступить и перегруппироваться к югу от Мерса Матруха в районе Баррини/Barrini.

Следующие четыре месяца обе стороны консолидировали свои позиции. Тобрук все еще удерживали наши, и он был колючкой в глазу у Роммеля. Его линии снабжения были растянуты до предела до Бенгази и Триполи. Ему пришлось как следует закрепиться на перевале Халфайя и близ Саллума, и в то же время он пытался избавиться от этой колючки у себя в тылу. Тем временем Уэйвелл (Wavell)***** был освобожден от своей командной должности, и его сменил Окинлек***** (Auchinleck).

Было подозрение, что Роммель планировал решительную атаку на Тобрук в середине ноября. Ходил слух, что у Окинлека были свои идеи и что он складировал большие объемы [бое- и других припасов] между Мерса Матрухом и Сиди Барани. В то же время он строил основательные оборонительные позиции к северу от Катарской впадины в районе Эль Аламейна на случай, если немцы прорвутся и большими силами устремятся к Александрии...

В пустыне главная проблема – это поддержание [на должном уровне] снабжения войск и радиосвязи с боевыми частями. Снова и снова передовые части обеих сторон продвигались вперед на расстояние до 100 миль в результате быстрых прорывов. Затем им приходилось немедленно отступать из-за того, что их линии снабжения и коммуникаций оказывались чрезмерно растянутыми. Еще одна проблема, с которой сталкивались обе армии – это природные условия пустыни. Был мало участков, на которых можно было построить оборонительные позиции, так что на протяжении все кампании они концентрировались вокруг таких мест, как Эль Агейла на западе, Джебель Ахдар/Jebel Akhdar в районе Бенгази, Газала, Тобрук, перевал Халфайя, Саллум и, позднее, Эль Аламейн.

Июль, август, сентябрь и октябрь стали месяцами восстановления сил и переоснащения. Пустыня оставалась сама по себе главной проблемой для обеих сторон. Дующие целыми днями пыльные горячие ветры, миллионы мух, скука и *пустынная депрессия*. Как говорили бедуины: «Если *хамсин* дует десять дней кряду, у тебя есть право убить свою жену!» Временами мы чувствовали себя страшно одиноко. Люди становились нервными и раздражительными. Чтобы преодолеть монотонность, мы организовали охоту на газелей и стали выезжать в пустыню на джипах, чтобы поохотиться на этих выглядевших как Бэмби***** животных. Стейки из мяса газелей были великолепны! Некоторые парни организовывали бои между скорпионами и делали денежные ставки. Ловили двух скорпионов, с предосторожностями, затем делали круг на песке стружкой бензина. Скорпионов осторожно помещали в этот круг, поджигали бензин и заставляли драться не на жизнь, а на смерть. Еще мы охотились на тушканчиков, приручая этих маленьких пустынных крыс...

17 ноября мы перешли в наступление. Основные силы продвигались в сторону побережья от Барани к Саллума и Халфайя. В районе Саллума противник оказал ожесточенное сопротивление. 7-я Бронетанковая Бригада наступала на юг в направлении пункта Сиди Резег/Sidi Rezegh (к югу от Тобрука). Новозеландцы пробивались к Тобруку, обойдя Саллум и перевал Халфайя. На юге южноафриканцы атаковали итальянские дивизии *Ariete* и *Folgore*. Основной удар наносила 7-я Бронетанковая Бригада с расчетом на то, что гарнизон Тобрука нанесет удар на юг и продвинется в направлении [аэродрома] Эль Адем/El Adem.

В ночь перед наступлением случился жесточайший ливень, который затопил аэродром в районе Фуки/Fuka, так что наша авиация не смогла подняться в воздух и поддержать нас. Продвигаясь в направлении пункта Сиди Резег/Sidi Rezegh, мы попали под сильный обстрел немецких 88-миллиметровок и противотанковых пушек калибром поменьше. Всюду и везде рвались дымовые снаряды, вынуждая нас терять ориентировку. Навстречу нам двинулись легкие танки противника, и вражеский огонь еще более усилился. Далеко справа от нас мы видели артиллерийские позиции немцев. Сначала там появлялось облачко дыма, затем до нас доносился вой, потом взрыв, за которым вздрагивала земля и следовал стук осколков о броню. Из танков слева и справа от нас валил дым, треск пулеметов был непрерывным. Каждый стрелял по всему, что двигалось перед ним. Мы останавливались, снова трогались вперед, бросали машину то вправо, то влево. Мы налетали на подбитые машины, а затем лезли дальше, туда, где горели танки. Отовсюду доносились вопли умирающих и отвратительный запах горячей человеческой плоти. Кому-то из танкистов удавалось выбраться из горящих машин до того, как они взлетали на воздух... Позднее этот участок боев получил название *Котел/The Cauldron*, и по праву...

Мы мало что видели: внутреннее пространство танка было загазовано и задымлено. Гремели пустые снарядные гильзы, затвор пушки раскалился докрасна. Казалось, что грохот разрывов сам по себе отправит нас в *Царствие Небесное*, но тут наступила мертвая тишина, так же быстро, как и все это началось. Затихли танковые моторы. Мы прошли через *Котел*. Теперь мы были на открытой местности с примерно двенадцатью уцелевшими танками. Слева от нас было небольшое *вади*, поэтому мы тронулись в путь, рассчитывая на какое-то продвижение вперед. Вскоре мы наткнулись на четыре легких итальянских танка. Увидев нас, итальянцы запаниковали. Они резко повернули вправо, прямо на немецкое минное поле. Мы наблюдали за тем, как до них дошло, куда их завела паника. Они начали метаться вправо-влево в поисках выезда с минного поля, но под грохот взрывов они один за другим канули в вечность...

Мы еще два дня бились с немецкими танками и артиллерией. Был один перерыв, когда нам пришлось отойти, чтобы заправиться и пополнить боезапас, но и тут все происходило под интенсивным артобстрелом. Все еще не было признаков того, что наши прорываются из Тобрука, а сражающиеся к северу от нас новозеландцы натолкнулись на ожесточенное

сопротивление. Южноафриканцы к югу от нас наконец вынудили итальянские дивизии отступить на северо-запад в сторону Газалы. Теперь основные бои шли на участках Сиди Резег и Эль Адам. Немецкая пехота в районе Эль Адам дралась с фанатическим упорством, и их воля к сопротивлению была невероятной. Весь этот район напоминал кладбище наших сгоревших танков. Всюду и везде в небо поднимались столбы дыма от этих погребальных костров.

Район Сиди-Резег после танкового сражения...

<https://samilhistory.com/tag/afrika-korps/>

Мы были измотаны, но в нас больше не было страха. Ничто не могло быть хуже, чем то, через что мы прошли. Мы прошли через все ужасы танковых сражений, и не осталось ничего из того, что могло быть хуже увиденного нами. У нас теперь был иммунитет от всего этого, примерно, как у немецких пехотинцев, которые столь часто сражались в настоящем аду, отключив мозг таблетками *бензедрина*. У нас больше не было угрызений совести, когда мы выпускали снаряды и видели, как вражеские танки взрываются, объятые пламенем. Мы уже прошли через весь спектр эмоций и думали только о том, как выжить. В моем понимании осталось только две разновидности солдат: шустрые и мертвые! Когда нам удавалось уничтожить еще один вражеский танк, моей единственной мыслью была следующая: «Этот не будет по нам больше стрелять.»

Где-то через четыре дня, наконец, пришли новости. Новозеландцы вошли в Тобрук, дав возможность силам гарнизона вырваться и двинуться на юг в направлении Сиди Резег. После это основные бронетанковые силы немцев, дислоцированные к западу от Тобрука, двинулись на юг в направлении Сиди Омара, а потом повернули на восток в направлении Сиди Сулеймана и *проволочного заграждения* [на границе Египта и Ливии]. Определенно, их целью было уничтожение 7-й Бронетанковой Бригады, которая перегруппировалась к югу от Капуццо.

Мы понесли тяжелые потери, но все еще могли сражаться. Отступая на восток, мы смяли *проволочное заграждение* непосредственно к югу от Саллума. Тем временем танки Роммеля прорвались непосредственно к северу от Форта Магдалена/Fort Magdalene. Затем они повернули на север и попытались перерезать линии снабжения новозеландцев.

Больше недели Роммель атаковал, но новозеландцы удержались. Тобрук остался в наших руках.

Число оставшихся в строю *панцеров* к этому моменту упало до нескольких десятков. Британские танковые и броневые части тоже понесли тяжелые потери и были здорово потрепаны, но к нам подходили подкрепления, и наши линии снабжения были в безопасности. Этого нельзя было сказать про танкистов Роммеля. Он оторвался на 60 миль от своих основных сил и сильно углубился в нашу территорию. Подкреплений до него доходило мало и совсем мало необходимых материалов. Фактически, *Лис Пустыни* проиграл это сражение! В первую неделю декабря от отвел то, что осталось от его сил, откатился на юг и затем отошел к Газале. Немцы отошли от Тобрука и присоединились к итальянцам, чтобы создать оборонительную линию. Они остались на перевале Халфайя.

Мы расположились непосредственно к западу от *проволочного заграждения*, в то время как британцы и новозеландцы перешли в наступление в направлении Газалы и далее – на Бенгази. К Рождеству 1941-го Бенгази снова был в руках союзников. Немцы отступили в район Агабедии/Agabedia и Беда Фомм.

Мы двигались на восток мимо Сиди Барани и Фуки. Когда мы добрались до Мерса Матруха, нам сообщили, что нас выводят из пустыни. Нашу бригаду заменят новые танковые части. Где-то неделю мы ждали, приводили себя в порядок, отмывались и расслаблялись. На запад двигались большие массы войск. Мы желали им удачи. Наша кампания в пустыне закончилась. Когда мы прибыли в Исмаилию/Ismailia в зону [Суэцкого] канала, слухи стали распространяться, как лесной пожар. Кто-то говорил, что мы отправляемся домой, кто-то, - что в Индию. Слух, который мне понравился больше всего, заключался в следующем: мы отправляемся в Австралию, чтобы создать там учебный танковый полк для обучения местных. Мы не знали, что будет с нами, но я определенно не думал, что нас отправят домой.

Все произошло очень быстро. Через пару дней после получения новых танков мы в Порт Саиде погрузились на судно *Ascanius*. Пройдя канал, мы повернули влево, в Красное море, и взяли курс на Индию. Нашей первой остановкой было Коломбо. Оттуда я послал телеграмму Мюриэл, но не мог сказать ей, куда мы направляемся. В этой части света события тогда происходили так быстро... Пал Сингапур, японцы захватили Яву. В начале февраля 1942 года мы высадились в Рангуне...

Примечания

*	<i>Thomas Cook – Британское туристическое агентство, существующее с 1872 года</i>
**	<i>NAAFI - Navy, Army and Air Force Institutes - компания, созданная британским правительством 9 декабря 1920 года для управления рекреационными учреждениями, в которых нуждаются вооруженные силы Великобритании, и для продажи товаров военнослужащим и их семьям</i>
***	<i>RASC - Royal Army Service Corps - Служебный корпус - представлял собой корпус британской армии, отвечающий за транспорт, администрирование казарм, пожарную службу армии, штабные подразделения штаба, снабжение продовольствием, водой, топливом и бытовыми материалами</i>
****	<i>Грациани – маршал Rodolfo Graziani (1882-1955) – в 1940-41 годах главнокомандующий вооруженными силами Италии в Северной Африке</i>
*****	<i>Уэйвелл - Archibald Wavell (1883—1950), до июня 1941 г. – главнокомандующий британскими силами Ближнем Востоке (вкл. Северную Африку)</i>

*****	Окинлек - <i>Claude John Eyre Auchinleck</i> (1884 – 1981) – с июня 1941 г. по август 1942 г. главнокомандующий британскими силами Ближнем Востоке (вкл. Северную Африку)
*****	Бэмби – олененок, персонаж одноименной книги и серии мультфильмов (первый выпуск – США, август 1942 г.)

По книге

James Palmer. The Militia Boy. 2018

Сокращенный перевод и обработка – Владимир Крупник

[Часть 1](#) – Франция, 1940

[Часть 3](#) – Бирма, 1942

[Часть 4](#) – Италия и Германия, 1944-45

Возврат к главной странице www.warsstory.org